

Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь»)

Владислав А. Овчинников^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] trpcsb@rambler.ru

^{ID} <http://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Поступила в редакцию 17.04.2020. Принята к печати 07.05.2020.

Аннотация: На основе материалов газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь», Государственного архива Кемеровской области, опубликованных исследований описан и охарактеризован процесс репрессий 1930-х гг. в г. Ленинске-Кузнецком. Особое внимание удалено «делу детей» и процессу над сотрудниками НКВД 1939 г. как событиям, обозначающим конец «большого террора». Сделан вывод, что острый характер репрессий в Ленинске-Кузнецком был определен невыполнением задач индустриального развития первых пятилеток и высоких планов угледобычи; быстро растущим населением города за счет категорий, попадающих под характеристику «враги народа»; установками горотдела НКВД быть лучшими в Западно-Сибирском крае. Количество и событийная насыщенность материалов газет о репрессиях опровергает мнение, что от простых граждан скрывали правду и они не знали о репрессиях и их масштабах. Автором определен подход к работе с газетами как с историческими источниками по истории репрессий в СССР. Газеты могут служить источником достоверной информации, необходимым для изучения репрессивной политики власти в 1930-е гг. и механизмов формирования общественного мнения, при учете исследователем их специфики. Уточнено, что для восстановления полной картины репрессий в отдельно взятом городе одних только материалов местных газет недостаточно, это требует использования широкого комплекса источников по проблеме.

Ключевые слова: индустриализация, дело детей, Кузбасс, репрессии, местная газета, большой террор

Для цитирования: Овчинников В. А. Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком (по материалам газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 340–353. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-340-353>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения истории массовых репрессий в СССР в рамках локальной истории, в том числе с использованием материалов местной периодической печати. Продолжения требует процесс реабилитации жертв репрессий и составления Книг памяти.

Репрессии оказали огромное влияние на жизнь людей, социально-экономическое развитие и политическую систему СССР. История репрессий в Кузбассе изучена учеными достаточно полно. Значительный вклад в изучение проблемы внесли А. И. Гвоздкова [1], Е. С. Генина [2; 3], Р. С. Бикметов [4; 5], А. А. Мить [6]. Данные о репрессиях в Кузбассе содержатся в работах по истории угольной промышленности, партийной организации, городов региона [7–10]. «Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области» служит особым источником по истории этого периода [11; 12]. «Историческая энциклопедия Кузбасса» и «Историческая энциклопедия Сибири» содержат статьи, посвященные репрессиям. Теме массового террора на территории Западной Сибири посвящены труды С. А. Папкова [13], В. Н. Уйманова [14],

И. Н. Кузнецова [15], А. Г. Теплякова [16] и др. В них содержится информация о репрессиях в Кузбассе. Подробный обзор историографии проблемы представлен в диссертациях ученых. В то же время в указанных работах практически отсутствует описание истории репрессий в отдельных населенных пунктах Кузбасса, не всегда использовался материал местных газет, что не позволило восстановить полную картину событий 1930-х гг. в разрезе локальной истории.

В 1990–2000-е гг. тема репрессий стала важнейшим направлением исследований на региональном уровне, но со временем интерес к данной проблематике стал ослабевать. Остались не изученными многие события, что требует продолжения исследования темы.

Появление трудов по истории массовых репрессий во многом было связано с рассекречиванием документов ФСБ России и передачей их в государственные архивы по указу президента России Б. Н. Ельцина, подписанному в 1991 г. и утратившему силу в 1999 г. За восемь лет указ президента не выполнило большинство управлений ФСБ. После этого доступ к архивам ФСБ России для исследователей стал значительно затруднен.

Именно открытие огромного массива неизученных источников по проблеме и обусловило в то время не очень внимательное отношение исследователей к такому виду источников, как периодическая печать (газеты, журналы, повременные издания). В связи с этим изучение периодической печати как источника по истории репрессий приобретает особую актуальность [17; 18].

Несмотря на то, что газеты отражали официальную партийную позицию и скрывали или искажали многие факты, полученные данные позволяют дополнить общую картину событий, уточнить, какая информация доходила до людей, в какой форме преподносилась, уточнить методы идеологического воздействия на общество.

Поставлена задача на основании материалов газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь» описать и характеризовать репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком. Особое внимание уделено «делу детей» и процессу над сотрудниками НКВД в 1939 г. как событиям, обозначающим конец «большого террора» 1937–1938 гг.

Методы и материалы

При написании статьи использовались материалы газет «Ленинский шахтер» 1931–1939 гг. и «Советская Сибирь» 1939 г. Для восстановления полной картины репрессий были использованы архивные документы фонда личного происхождения канд. ист. наук Б. И. Берлинтейгера (Ф. Р-1263), Государственного архива Кемеровской области (ГАКО).

Газета «Ленинский шахтер» начала издаваться с 1 октября 1930 г. как орган Ленинского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета. С 1931 г. газета стала органом Ленинского горкома ВКП(б), горисполкома и горпрофсовета. Примечательна судьба А. А. Бабаянца, бывшего редактором газеты в 1936–1937 гг. После 1937 г. он последовательно занимал должности зав. партийным отделом газеты «Кузбасс», начальника филиала института повышения квалификации инженерно-технических работников угольной промышленности, с апреля 1940 г. – редактора новосибирской газеты «Советская Сибирь», в марте 1943 г. – редактора газеты «Кузбасс». Затем он возглавил областное книжное издательство «Кузбасс». Это косвенно свидетельствует о высоком уровне работы редакции газеты в 1936–1937 гг. и о том, что заслуги редактора были по достоинству оценены.

«Советская Сибирь» с 1930 г. стала главным идеологическим политическим изданием Запсибкома ВКП(б) и Запсибрайисполкома. В 1930-е гг. газета освещала раскулачивание крестьян, коллективизацию и индустриализацию, борьбу с «врагами народа». Все ее редакторы 1935–1939 гг. были репрессированы.

Важнейшей функцией газет была трансляция государственно-партийных решений, руководство и контроль над идеологическим воздействием партийной пропаганды на массовое сознание. Газеты описывали реализацию политики власти на местах, конкретные достижения и события,

объясняли неудачи. В газетах содержатся официальные материалы партийно-советских органов, речи и статьи, отчеты о судебных заседаниях процессов над «врагами народа». Для нас важна информация о конкретных событиях и процессах, многие материалы дают точные оценочные характеристики и достаточно достоверное изложение фактов.

Газета «Ленинский шахтер» выделялась на фоне других городских и районных газет Кузбасса высоким уровнем организации работы редакции, качеством публикаций, точным следованием генеральной линии партии. Типичными чертами были структура и рубрикация, тематика, способы подачи информации, оформление. Политическая ангажированность и жесткий партийный контроль также были характерными чертами работы редакций газет в 1930-е гг.

В работе был использован подход, основанный на следующих положениях:

- периодическая печать (газеты, журналы, повременные издания) – особый вид исторических источников;
- газеты могут служить источником достоверной информации, необходимым для изучения репрессивной политики власти в 1930-е гг. и механизмов формирования общественного мнения при учете исследователем специфики источника: влияния на источник принципа партийности советской прессы, чрезмерной политизации, идеологизации, субъективизма, цензуры;
- исследователю необходимо учитывать особенности газет как исторического источника: многообразие форм подачи информации, что требует использования комплекса методов; учет возможного наличия неточностей и ошибок из-за периодичности и оперативности опубликования информации.

В работе применялись историко-сравнительный, историко-генетический методы исследования, методы анализа.

Репрессии 1930–1936 гг.

В начале 1930-х гг. были сделаны первые шаги по чистке партийных рядов и борьбе с вредительством. На партконференции 1–3 июля 1931 г. делегат от Емельяновской шахты, отчитываясь о чистке партийных рядов, заявил: «Руководство Емельяновского шахткома было оппортунистическим и поэтому Емельяновский партколлектив председателя шахткома исключил из рядов ВКП(б)». В ответ на однозначно жесткие речи о продолжении чистки и вредительстве еще звучали такие выступления, как речь делегата Соколова: «Всех специалистов к числу вредителей относить нельзя». Он подчеркивал, что есть хорошие производственники, которые просто не выполнили план, что многие еще не овладели в достаточной степени техникой, поэтому их надо учить и воспитывать¹.

В быстроразвивающемся городе население увеличивалось за счет крестьян, в том числе за счет раскулаченных и их детей. Часть из них скрывала свое прошлое, некоторые

¹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

сотрудничали с режимом А. В. Колчака, участвовали в анти-советских выступлениях. Во время движения за возрождение колхозов с 1927 г., хлебозаготовительной кампании 1929 г. репрессии приняли широкий размах. Зажиточных крестьян штрафовали, подвергали тюремному заключению, высыпали из деревни [19, с. 166].

На руднике использовали труд спецпереселенцев, а с 1931 г. отряда тылоополченцев – невоенного формирования из представителей раскулаченного зажиточного крестьянства, лишенных избирательных прав и по закону 1925 г. вместо срочной службы в РККА служивших в тыловом ополчении. Социальное происхождение, действитель но, во многом определяло отношение людей к советской власти, что и стало благодатной почвой для начиナющегося в СССР периода репрессий.

В газете «Ленинский шахтер» начали появляться публичные отказы детей от родителей, такие как: «Я, Кокорина Мария Ефимовна, порываю всякую связь со своим отцом, Кокориным Ефимом Ивановичем, как с лишенцем»². В 1932 г. были случаи, когда Ленинская «райпятерка» принимала решение о выселении из города рабочих рудника, выявив, что они дети кулаков, расстрелянных за сотрудничество с колчаковским режимом. «Райпятерки» и «райтройки» начали работу в Кузбассе в мае 1931 г. в рамках выполнения постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б) на места были разосланы уполномоченные, под их руководством в районах были созданы пятерки, в которые входили председатель райиспокома, первый секретарь райкома ВКП(б), начальник районного ОГПУ. Их работа заключалась в выявлении и проверке кулацких хозяйств, разъяснении политики партии, проведении экспроприации и выселении кулаков, создании натурфондов³.

Все эти публикации были сделаны на фоне материалов об итогах первой пятилетки. Газета «Ленинский шахтер» сообщала: «одним из крупных успехов явилось создание второй угольно-металлургической базы Урало-Кузнецкого комбината, частью которого является город Ленинск-Кузнецкий»⁴, а в опубликованном в газете отчете горсовета отмечалось: «из жалкого поселка Советы превратили его в крупный промышленный район Кузбасса»⁵.

С 1933 г. в стране началась подготовка к массовой чистке комсомольских и партийных рядов для борьбы с «притаившимися классовыми врагами». В Ленинске-Кузнецком один

из первых ударов пришелся по городской комсомольской организации. В 1933 г. была «разоблачена группа классово чуждых элементов» из 9 человек, входившая в ее руководство. В их числе Чижов Валентин – заведующий орготделом городского комитета ВЛКСМ, член ВКП(б); Чижов Анатолий – член бюро горкома, секретарь комитета ВЛКСМ школы Горпромобуча, кандидат партии. Они, дети «крупного кустаря», обвинялись в том, что скрыли свое происхождение и занимались кустарничеством и спекуляцией в 1926–1930 гг., а также «протаскивали» кулаков в ряды комсомола. Оба были уволены, исключены из рядов ВЛКСМ и партии. В группу входили: Горохов – заведующий культпросом горкома ВЛКСМ, сын крестьянина, женатый на дочери священника, расстрелянного партизанами за сотрудничество с колчаковцами; В. Понамарев – член бюро горкома ВЛКСМ, секретарь ячейки ВЛКСМ на Емельяновской шахте, который скрыл, что он сын кулака, участвовавшего в 1930 г. в Уч-Пристанской банде. Все они отработали на своих местах по 2–3 года.

Уч-Пристанское восстание (Добытинский мятеж) началось в Бийском округе в марте 1930 г., когда райуполномоченный ОГПУ Ф. Г. Добытин освободил сидевших в камере райцентра «кулаков» и, захватив полторы сотни винтовок, собрал отряд около 400 человек. Были арестованы совпартработники, часть из них расстреляна⁶.

Секретарь Ленинск-Кузнецкого городского комитета ВКП(б) А. К. Мамончиков в 1933 г., сообщая об обстановке в городе секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, подробно описал данную ситуацию, признав вину партийной организации. Был проведен внеочередной пленум горкома ВЛКСМ, на котором сменили почти весь его рабочий состав, за исключением секретаря. Кроме этого, на шахте Емельяновской выявили еще 8 человек – детей кулаков и торговцев, работавших на производстве до вступления в комсомол 1–2 года. Некоторые из них обвинялись во вредительстве⁷.

Чистка коснулась и партийного руководства шахт, которое подверглось самым тяжким обвинениям. Газета «Ленинский шахтер» 21 сентября 1933 г. жестко требовала прекратить «разгул саботажа» на Ленинской шахте, обвинив партийное руководство шахты в отрыве от масс и потворстве саботажникам и антимеханизаторам⁸. Данные статьи резко контрастировали с публикациями о проведении Всекузбасского слета ударников-шахтеров, о развитии движения ударников как эталонного поведения шахтеров – строителей коммунизма⁹.

² Ленинский шахтер. 14.07.1931.

³ Докладная записка ПП ОГПУ по Запсибирю руководству ОГПУ «Об итогах экспроприации и выселения кулачества Западно-Сибирского края» 5 июня 1931 г. // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М.: РОССПЭН, 2006. Кн. 2. С. 355–375.

⁴ Ленинский шахтер. 08.01.1933.

⁵ Ленинский шахтер. 20.11.1934.

⁶ Ленинский шахтер. 11.08.1933.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 81, 82.

⁸ Ленинский шахтер. 21.09.1933.

⁹ Ленинский шахтер. 09.05.1933; Ленинский шахтер. 12.05.1933.

В 1934 г. начали подводиться первые итоги процесса чистки Западно-Сибирской партийной организации. В этом активно участвовал Ленинск-Кузнецкий горком ВКП(б). На собраниях городского партактива заслушивались доклады председателя комиссии по чистке. В газете публиковалась «хроника чистки». На 10 августа 1934 г. чистка была закончена в 106 первичных организациях. Прошли чистку 1204 члена и кандидата – 65,2 % от общего состава парторганизации. Были исключены из членов партии – 153 человека, переведены в кандидаты – 35 человек, исключены из кандидатов – 71 человек, переведены в сочувствующие – 49 человек. Чистка продолжалась в первичных партийных организациях ОГПУ, Горсовета, ОРСа, на шахтах Капитальная-2 и Журинка-3¹⁰.

В 1935 г. в ходе чистки партии были выявлены бывшие колчаковцы и белогвардейцы, скрывающие свое прошлое. Был «разоблачен» Авот – управляющий Ленинской шахты, который уже два раза, в 1930 г. и 1931 г., исключался из партии за срыв угледобычи. Ему вменяли в вину, что до 1923 г. он был латвийским подданным и пытался в 1923 г. выехать в Латвию, а в 1919 г. служил в колчаковской армии¹¹. В Кузбассе – регионе, развивающемуся как один из передовых индустриальных центров СССР, преследование бывших белых в 1930-е гг. активизировалось в рамках реализации сталинской программы репрессий [20].

Необходимо отметить, что особый режим подозрительности по отношению к латышам, служившим в армии адмирала А. В. Колчака, не был лишен оснований. После падения советской власти в 1918 г. во многих населенных пунктах Сибири началось формирование добровольческих латышских полков (к январю 1919 г. в них состояло около 4 тыс. человек), которые находились в распоряжении командующего союзными войсками в Сибири генерала М. Жанена. В армии А. В. Колчака офицеры-латыши занимали должности командиров дивизий [21].

Ситуацию в Ленинске-Кузнецком осложняло то, что рудник постоянно не выполнял все более возрастающий план по добыче угля. Так, за две декады 1935 г. угольный долг стране вырос на 10 тыс. тонн. Среди хронически отстающих шахт были Емельяновская, шахта «А». В шахте 7 Ноября произошла тяжелая авария из-за очень плохого состояния электрохозяйства¹². 25 декабря на Ленинской шахте в результате аварии под обвалом лавы погибло 4 шахтера. Это позволяло с новой силой проводить чистку партийно-комсомольских кадров, обвиняя их в саботаже и вредительстве. Парторганизации шахт призвали быть бдительными к попыткам классово-враждебных элементов

затормозить стахановское движение и досрочное выполнение плана угледобычи.

Газета «Ленинский шахтер» отмечала, что Ленинский рудник в 1934 г. выполнил план угледобычи всего на 93 %. Наряду с объективными причинами (двоухмесячным ремонтом, низкой производительностью труда, аварийностью и простоями) в статье содержался призыв: «Сломить саботаж в перестройке»¹³. В феврале 1936 г. на городской конференции ВЛКСМ работа горкома вновь была признана неудовлетворительной и полностью был обновлен его состав¹⁴.

После обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» на закрытом заседании горкома ВКП(б) 8 августа 1936 г. было принято постановление, в котором утверждалось, что увеличение количества аварий на механизмах (1050 случаев за полгода), слабый ход угледобычи (86 % за полгода) доказывают наличие «классово-враждебных элементов». Бюро горкома предложило всем секретарям парткомов, парторгам каждую аварию рассматривать так, чтобы в первую очередь разоблачить вредительство «классово-враждебных элементов». Все постановления горкома об авариях стали начинаться одинаково: «О ликвидации вредительства на шахте ...»¹⁵. Ситуация развивалась в рамках общего процесса наступления на бывшую оппозицию, сопровождающегося открытыми политическими процессами.

8 августа 1936 г. городская парторганизация разоблачила троцкиста Золотова, который покрывал и защищал осужденных ранее троцкистов Хорошко и Ежова. До этого Золотов и Ежов в горкоме партии доказывали нереальность газификации города, выступая против позиции инженера Б. Ф. Гиндлера, награжденного в 1935 г. орденом Трудового красного знамени за выдающиеся заслуги в организации безопасности труда горняков и за практическое осуществление идеи В. И. Ленина о газификации. По делу контрреволюционной троцкистской группы суд коллегии НКВД приговорил к разной мере ответственности 18 членов партии.

В декабре 1936 г. закончилось дело саботажников и вредителей на транспорте Ленинского рудника. Выездная сессия спецколлегии краевого суда 3 декабря 1936 г. в ДК г. Ленинска-Кузнецкого рассмотрела дело и приговорила к разной мере ответственности: заместителя начальника транспортного отдела РУ С. И. Шимко, дежурных по блокпосту В. Мамонтова, В. Богданова, Е. Водоватовского¹⁶.

¹⁰ Ленинский шахтер. 11.08.1934.

¹¹ Ленинский шахтер. 27.10.1935.

¹² Ленинский шахтер. 24.02.1935.

¹³ Ленинский шахтер. 01.01.1933; Ленинский шахтер. 24.02.1935.

¹⁴ Ленинский шахтер. 12.02.1936.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 92.

¹⁶ Ленинский шахтер. 02.12.1936. С. 4.

На декабрьской городской партконференции 1936 г. горком отчитался о разгроме «отдельных саботажников стахановского движения» и выявленного «контрреволюционного гнезда троцкистов-вредителей» во время проверки и обмена партийных документов. Было снято руководство шахты «Комсомолец», заменен ряд сотрудников шахт и рудоуправления. К концу 1936 г. в результате чистки городской партийной организации, которая насчитывала 1180 членов партии и 620 кандидатов, было выявлено 53 бывших белогвардейца и кулака, 5 троцкистов и зиновьевцев, 16 аферистов-кулаков, 24 политически и морально разложившихся, 15 прочих враждебных элементов, 11 нарушителей партийной и государственной дисциплины, т. е. примерно 10 % (124 человека) состава парторганизации¹⁷.

По итогам конференции было признано, что контрреволюционное гнездо троцкистов-вредителей, сидевших на шахтах, в рудоуправлении, было разоблачено и разгромлено. Эти процессы шли в рамках невиданной по своим масштабам кампании поиска и разоблачения «врагов народа».

Масштабы и жестокость репрессий все возрастили. Взрыв в Кемерове 23 сентября 1936 г. унес жизни 12 рабочих. Это стало поводом для выявления троцкистов, вредителей, диверсантов на рудниках Кузбасса. «Кемеровское дело» 1936 г. стало одним из самых масштабных в истории репрессий в Кузбассе. В ноябре 1936 г. в г. Новосибирске прошел процесс участников контрреволюционной троцкистско-диверсионной группы Западно-Сибирского края, в состав которой входила Кемеровская подпольная троцкистская организация¹⁸.

Передовица газеты «Правда» от 26 ноября 1936 г., перепечатанная в газете «Ленинский шахтер», заявляла: «Трудящиеся Ленинска требуют расстрела врагов народа. Никакой пощады!»¹⁹.

«Большой террор» 1937–1938 гг.

1 января 1937 г. руководители Западно-Сибирского края Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинский направили в город приветственную телеграмму с поздравлениями и призывом добиться в 1937 г. выполнения годового плана. Положение дел в Ленинске-Кузнецком находилось под пристальным вниманием краевого руководства. Уже 13 января 1937 г. в город прибыл лично первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, который на заседании бюро горкома вскрыл вредительскую работу управляющего шахтой им. Кирова Р. С. Шахновича и разоблачил его как

троцкистского диверсанта²⁰. Постановлением бюро горкома ВКП(б) Р. С. Шахнович был лишен работы и исключен из партии за срыв выполнения годового плана угледобычи (было «недодано» стране 300 тыс. тонн угля), организацию на шахте троцкистами Ольховским, Сикоро, Бушиным вредительства, «дезорганизующего» работу механизмов, саботаж техники безопасности, приведший к большому числу несчастных случаев. Были проведены перевыборы парткомитета шахты, освобожден от должности секретарь парткомитета Лобастов²¹.

Роль Р. И. Эйхе в организации репрессий в Западной Сибири, в том числе в Кузбассе, чрезвычайно велика: в августе 1937 г. он был членом «тройки» УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Позже он стал жертвой репрессий: в 1937 г. после назначения наркомом земледелия СССР обвинен в троцкизме и арестован 29 апреля 1938 г. Суд приговорил его как «врага народа» к расстрелу 2 февраля 1940 г. (реабилитирован в 1956 г.) [13, с. 18–20, 170–173, 187; 22].

26 января 1937 г. бюро горкома партии отметило недопустимую медлительность при ликвидации последствий вредительства на шахтах Журишка-3, Комсомолец, 7 Ноября, шахте им. Кирова, шахте «А». Управляющие шахт и секретари парткомов обязались в трехдневный срок составить планы мероприятий по ликвидации последствий вредительства²².

На шахте Комсомолец 9 июля 1937 г. произошел обвал главного подъема, из-за чего она не работала до 17 августа. Управляющий шахтой Кузнецова был объявлен подсобником классово враждебных элементов, орудовавших на шахте²³. В газете «Ленинский шахтер» прозвучала критика управляющего шахтой им. Кирова Ильина и главного инженера Шеховцева, начальника 4 участка шахты Комсомолец Кириллова, дела которых рассматривались на заседаниях президиума горсовета²⁴.

Осенью 1937 г. исключения из партии и репрессии в Кузбассе усилились [9, с. 13]. Р. И. Эйхе разослал телеграмму всем секретарям горкомов и парткомам шахт, управляющим трестами и шахтами Кузбасса, требуя покончить с позорным прорывом в Кузбассе²⁵. Необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, авральное введение новых шахт, постоянное повышение планов угледобычи, механизация шахт, с другой – неквалифицированность и текучка кадров, отсутствие системы обучения работы на новых машинах неизбежно вели к увеличению

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 93.

¹⁸ Ленинский шахтер. 21.11.1936. С. 2–3.

¹⁹ Ленинский шахтер. 23.11.1936.

²⁰ Ленинский шахтер. 15.01.1937.

²¹ Ленинский шахтер. 17.01.1937. С. 3; ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.

²² ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.

²³ Ленинский шахтер. 24.08.1937. С. 3.

²⁴ Ленинский шахтер. 14.09.1937. С. 3; ГАКО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 32. Л. 204.

²⁵ Ленинский шахтер. 21.08.1937. С. 1.

количества аварий на шахтах Кузбасса. Только за 1937 г. на шахтах Ленинского рудника произошло 14 серьезных аварий. Газета писала, что в стахановском движении, которое с ноября 1935 г. приобрело массовый характер, к концу второй пятилетки отмечается даже его полное затухание на некоторых рудниках, объясняя это происками «врагов народа» [7, с. 164–165].

За срыв угледобычи был проведен показательный процесс над контрреволюционерами и саботажниками: управляющим шахтой «А» Петром Леонтьевичем Ивановым и главным механиком Николаем Андреевичем Зайцевым. 26 июля 1937 г. П. Л. Иванова сняли с работы и исключили из партии за связь и принадлежность к группе троцкистов-диверсантов и японско-германский шпионаж в Кузбассе, бытовую и идейную связь с троцкистами-диверсантами из треста «Кузбассугольстрой» Н. И. Мураловым, А. А. Шестовым, Н. И. Носковым и др., а также скрытие социального происхождения (из «крепко-зажиточных крестьян»). Приговор был вынесен 4–8 сентября 1937 г. на выездной сессии спецколлегии Запсибкрайсуда. Н. А. Зайцев по ст. 58-14 УК РСФСР получил 10 лет в исправительном лагере с поражением вправах на 5 лет после отбывания наказания, П. Л. Иванов – расстрел²⁶. По ст. 58-14 УК РСФСР люди осуждались за контрреволюционный саботаж: сознательное неисполнение обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата. В декабре 1937 г. газета «Ленинский шахтер» призвала «до конца уничтожить вражеское гнездо в тресте "Ленинуголь"»²⁷.

Были репрессированы первый секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП(б) П. Г. Осипов и управляющий трестом «Ленинуголь» Кротов. Петр Гаврилович Осипов, работавший на должности первого секретаря с февраля 1935 г., 21 августа 1937 г. был снят с работы и исключен из партии с формулировкой: «За саботаж указаний Центрального Комитета и крайкома партии о ликвидации последствий вредительства на руднике, за срыв выполнения плана угледобычи и покровительство врагам народа»²⁸. 27 октября 1937 г. военная коллегия Верховного Суда СССР по статьям 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР приговорила П. Г. Осипова к высшей мере наказания – расстрелу. Основным было обвинение в участии с 1934 г. в правотроцкистской диверсионно-вредительской группе, действовавшей в Западно-Сибирском крае, организации в Ленинске-Кузнецком группы из 7 человек для диверсионно-вредительской работы. 25 января 1958 г. военная коллегия Верховного Суда СССР приговор 1937 г.

в отношении П. Г. Осипова отменила и дело было прекращено за отсутствием состава преступления²⁹.

Репрессии 1937–1938 гг. коснулись не только партийного руководства и руководства шахт, но и рядовых граждан буквально во всех сферах жизнедеятельности города. Репрессии ужесточались и в других шахтерских городах Кузбасса [1, с. 180–238]. В 1937 г. большая группа иностранных рабочих, приехавших с Украины, из Польши, Литвы, Канады, США, была осуждена как агенты иностранных разведок и националистических организаций за создание «контрреволюционных диверсионных групп» на шахтах Ленинского рудника [1, с. 187–196].

По делу С. В. Попова прошли 99 человек, в основном из семей раскулаченных, обвиненных в создании шпионско-диверсионной сети на шахтах Кузбасса. В перечень обвинений руководителю сети С. В. Попову была включена кража из Ленинск-Кузнецкого горсовета сведений о городском водопроводе, плана шахты Журинка-3 [1, с. 196–200].

В сентябре 1937 г. спецкомиссия краевого суда вынесла приговор контрреволюционной вредительской группе Ленинск-Кузнецкого «Заготзерно». Управляющий Ленинским пунктом «Заготзерно» Г. В. Мухаметдинов (Мухамеджинов), директор элеватора Н. А. Крыжецкий (Крижицкий), бухгалтер заготпункта А. А. Бочаров, заведующий заготпунктом Г. П. Ильин были приговорены к расстрелу³⁰. Забсиб ТАСС сообщил: «Этот справедливый приговор трудящимся Ленинска встречен с огромным удовлетворением»³¹. Отметим, что, помимо Ленинска-Кузнецкого, открытые процессы над руководителями и служащими – «вредителями сельского хозяйства» – проходили в Рубцовском, Уч-Пристанском пунктах «Заготзерно», колхозах Барабинского, Венгеровского, Ояшинского, Искитимского, Купинского, Чановского районов. Было возрождено дело «Трудовой Крестьянской партии», по которому на территории Западно-Сибирского края к декабря 1937 г. арестовали 1400 человек.

Были репрессированы многие сотрудники горкома партии и горсовета, ответственные за конкретные участки работы: здравоохранение, просвещение, строительство, финансы. Сняты с работы и исключены из партии заведующий горною Лопатин и директора нескольких школ³². 3 августа 1937 г. на заседании бюро горкома партии по итогам работы школ города в 1936–1937 гг. было отмечено разоблачение вредительской группы, которой наряду с моральным разложением и уголовными преступлениями вменялось то, что 20 % учащихся города были оставлены на второй год или получили переэкзаменовку

²⁶ Ленинский шахтер. 08.09.1937. С. 2–3; Ленинский шахтер. 09.09.1937. С. 2–3; ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.

²⁷ Ленинский шахтер. 03.12.1937. С. 2.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

²⁹ Там же. Л. 99.

³⁰ Ленинский шахтер. 20.09.1937. С. 2; Ленинский шахтер. 02.10.1937. С. 2.

³¹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

³² Ленинский шахтер. 12.06.1937. С. 3.

на осень. Перед новым составом горено и отделом школ горкома была поставлена задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вредительской работы на участке народного просвещения»³³.

31 октября 1937 г. за вражескую работу и развал здравоохранения был исключен из партии с передачей дела органам НКВД зав. горздравотделом Н. И. Турчин, затем зав. горфинотделом С. И. Баданов.

Управляющий стройконторой «Кузбассшахтострой», председатель промышленной секции горсовета Ф. И. Дынко (арестован 29 апреля 1937 г., осужден 20 января 1938 г.), главный инженер стройконторы «Кузбассшахтострой» Бейтин и ряд других лиц были обвинены в срыве строительствабанно-прачечного комбината и кинотеатра, чтобы «вызвать недовольство рабочих срывом». Они были разоблачены как враги народа и «изъяты»³⁴ [12, с. 154].

К началу 1938 г. в Кузбассе количество специалистов – жертв массовых репрессий – исчислялось сотнями, особенно пострадали управленческие кадры угольной промышленности [22]. Массовые репрессии напрямую отражались на невыполнении плана угледобычи и углублении производственных проблем. Только за 1938 г. было заменено 70 % руководящих работников трестов и шахт, а на их место выдвинуто 500 человек, из них 50 % стахановцев, менее технически грамотных и не имеющих опыта управления [7, с. 159; 8, с. 146]. Судебные процессы шли непрерывно и «Ленинский шахтер» в начале 1938 г. пестрел материалами о ликвидации вражеских гнезд на мясокомбинате, стройконторе «Кузбассшахтострой», торговой сети Кузбассторга³⁵.

22–25 февраля 1938 г. выездная комиссия краевого суда завершила процесс над вредителями, орудовавшими на Ленинско-Кузнецком хлебозаводе: бывшим директором Цветковым и зав. производством Гандюком. Цветков получил 15 лет тюрьмы, Гандюк – 8 лет с конфискацией имущества и 5 лет поражения в правах после отбывания срока³⁶.

На фоне репрессий особенно контрастным выглядело выдвижение от Ленинск-Кузнецкого избирательного округа начальника областного управления НКВД Г. Ф. Горбача в Верховный Совет СССР в 1937 г. и майора ГБ И. А. Мальцева, начальника управления НКВД по Новосибирской области – в Верховный Совет РСФСР в 1938 г.³⁷

Начало борьбы «с грубыми нарушениями социалистической законности» 1938 г. Репрессии в органах НКВД
Репрессии не обошли стороной сотрудников НКВД. В 1932–1936 гг. сменилось шесть руководителей горотдела НКВД – «за пьянство и служебные проступки». С ноября

1936 г. по февраль 1938 г. городским НКВД руководил Иван Федорович Золотарь, который был арестован в 1938 г. за целый ряд должностных преступлений: незаконные аресты сотен людей, конвоирование арестованных днем в бани в открытой машине, что позволяло родственникам общаться с ними, избиение сотрудников горотдела, арест двух милиционеров, интимная связь с сотрудниками и др. И. Ф. Золотарь был осужден на 5 лет заключения. Под его руководством в рамках «немецкой операции» были созданы дела об агентах немецкой разведки (125 человек) и троцкистской группы в Ленинске-Кузнецком. На сайте «Таловская трагедия» (расследование сталинских репрессий в Тайгинском районе Западно-Сибирского края 1920–1953 гг.) размещена биография И. Ф. Золотаря, фотокопии приговора военного трибунала Западного округа пограничных и внутренних войск НКВД от 13 октября 1938 г., обвинительное заключение по делу П-3792 УФСБ по Кемеровской области (т. 8 арх. П-3792 т. 2, л. 167–172, 238–239, 261), личное дело И. Ф. Золотаря 1936 г., переписка по делу и другие документы. Необычна его дальнейшая биография. В феврале 1938 г. – январе 1942 г. он был заключенным Мариинского ИТЛ НСО, затем освобожден по особому ходатайству наркома НКВД Л. П. Берии. С января 1942 г. по март 1942 г. состоял в резерве НКВД СССР в Москве, с марта 1942 г. по июль 1944 г. – командир партизанского отряда в Ленинградской, Минской и Виленской областях, с июля 1944 г. по март 1945 г. – командир соединения партизанских отрядов в Польше и Чехословакии, с апреля 1945 г. продолжил служить в МГБ СССР, в 1948 г. вышел на пенсию, умер в 1981 г. И. Ф. Золотарь – автор книги для подростков «Записки десантника» (1955)³⁸.

17 ноября 1938 г. вышло совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором осуждались грубые нарушения социалистической законности в ходе ликвидации право-троцкистских элементов. 26 ноября были упразднены внесудебные органы – «тройки», 6 декабря 1938 г. освобожден от обязанностей наркома НКВД Н. И. Ежов.

Сразу после ноябрьского постановления были арестованы 1-й секретарь Новосибирского обкома партии И. И. Алексеев и начальник УНКВД Западно-Сибирского края, начальник УНКВД Новосибирской области в 1937–1938 гг., старший майор ГБ (22 августа 1937 г.) Г. Ф. Горбач, входивший в состав особых троек НКВД СССР. Последний, обвиненный в участии «в заговоре в НКВД и подготовке государственного переворота», был уволен из НКВД в 1938 г. и расстрелян 7 марта 1939 г., впоследствии не реабилитирован. Позже был репрессирован сменивший его на посту руководителя областного УНКВД И. А. Мальцев.

³³ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.

³⁴ Ленинский шахтер. 23.12.1937. С. 4.

³⁵ Ленинский шахтер. 09.01.1938. С. 4; Ленинский шахтер. 12.01.1938. С. 4; Ленинский шахтер. 06.02.1938. С. 3.

³⁶ Ленинский шахтер. 27.02.1937. С. 2.

³⁷ Ленинский шахтер. 04.10.1937. С. 2; Ленинский шахтер. 11.06.1938. С. 1.

³⁸ Золотарь Иван Федорович // Таловская трагедия. Режим доступа: <https://myisk.net/золотарь-иван-федорович/> (дата обращения: 18.01.2020).

Городской отдел НКВД Ленинска-Кузнецкого на протяжении 1930-х гг. был одним из лучших в ведомственном соревновании и славился громкими масштабными делами, например, раскрытием «националистической контрреволюционной банды» из 450 человек польских и украинских спецпереселенцев. Чекисты горотдела не всегда успевали даже зарывать трупы жертв после исполнения приговора на месте. Бывший начальник областного УНКВД Г. Ф. Горбач на допросе указал на случай, когда на второй день после расстрела гражданское население обнаружило трупы [23].

Еще в январе 1938 г. Пленум ЦК ВКП(б) осудил карьеристов, выдвинувшихся на чистке партийных рядов, и решил привлечь к ответственности виновных в клевете на коммунистов. Начался процесс рассмотрения апелляций лиц, ранее исключенных из партии, маховик репрессий начал замедляться. К апрелю 1938 г. Ленинск-Кузнецкий горком ВКП(б) партии восстановил в партии более 60 % ранее исключенных коммунистов [9, с. 13].

Небольшое смягчение ситуации наглядно видно на деле второго секретаря горкома Григория Вениаминовича Ганкина. 11 мая 1938 г. бюро горкома первый раз слушало его дело о непроявлении активности в разоблачении «врагов народа»: директора шахты им. Кирова Р. С. Шахновича, управляющего стройконторой «Кузбассшахтостроя» Ф. И. Дынко, зав. отделом агитации и пропаганды Киселева, начальника «Кузбасторга» Маевского, директора и главного механика шахты «А» П. Л. Иванова и Н. А. Зайцева, секретаря горкома партии П. Г. Осипова. Ему вменялось в вину то, что по его указанию арестованных многократно водили в бани днем, а их родственники по пути их следования устраивали демонстрации и проводили контрреволюционную деятельность. За пособничество «врагам народа» он был снят с работы, получив выговор с предупреждением и занесением в личное дело. В мае, после пересмотра дела, его исключили из партии. 22 сентября 1938 г. он был арестован с обвинением по ст. 58-7 УК РСФСР, но 28 декабря 1939 г. освобожден. 3 января 1940 г. бюро Ленинск-Кузнецкого горкома партии рассмотрело его апелляцию и сделало вывод, что Г. В. Ганкин совершил ошибку, проявив чрезмерное доверие И. Ф. Золотарю, который фактически взял руководство горкомом в свои руки, о чем Г. В. Ганкин не информировал обком партии. Бюро постановило отменить решение от 21 мая 1938 г. об исключении и восстановить Г. В. Ганкина в партии, после чего тот по семейным обстоятельствам отбыл в Москву. Так относительно благополучно закончилось дело второго секретаря Ленинск-Кузнецкого горкома партии³⁹.

На 6-й городской партконференции, прошедшей в мае 1938 г., были подведены итоги борьбы с «врагами народа» в Ленинске-Кузнецком. В своем докладе исполняющий обязанности секретаря горкома ВКП(б) М. П. Творогов

критиковал недостаточную ликвидацию последствий вредительства в стройконторе, тресте «Ленинуголь», на шахтах им. Кирова, Журинка-3, в совхозе 208, горено. Он подчеркивал, что враги пытались развалить парторганизацию, вывести из строя шахты (7 Ноября, Пионерку) путем затопления водой, загазовывания участков. Кулаки параллельно действовали на селе. Отмечалось, что только в парторганизации горздрава за 1937 г. пришлось сменить 5 секретарей парткома. Поднимался вопрос о медленной ликвидации последствий вредительской работы⁴⁰.

В резолюции от 27 мая 6-й партконференции отмечалось: «В результате низкого уровня революционной бдительности могло иметь место такое засорение горкома ВКП(б) врагами народа (Осиповым, Ганкиным) и их пособниками (Золотарь, Кудряшев), а также аппарата горкома враждебными (Шепелевич) и политически непроверенными людьми (Бакарин, Фомченко, Соловьева) и только поэтому выкорчевывание врагов народа, шпионов, диверсантов и их пособников проходило медленно и с большими потугами»⁴¹.

Процесс по осуждению перегибов и злоупотреблений во время чистки партии, инициируемый январским Пленумом ЦК ВКП(б), с опозданием, но начался в Ленинске-Кузнецком. В газете «Правда» 7 июня 1938 г. была размещена статья «За что коммунисты критиковали горком», перепечатанная затем в «Ленинском шахтере». В ней говорилось, что Ленинский рудник мог стать гордостью Кузбасса. Он механизирован и активно развивает стахановское движение, но план угледобычи не выполняет. За 4 месяца рудник недодал стране 63 тыс. тонн угля. Статья содержала резкую критику секретаря горкома ВКП(б) М. П. Творогова: «заперся в кабинете», к нему не могут попасть не только простые люди, но и директора шахт. Горком обвинили в плохой подготовке партконференции: мало поднимались проблемы шахт, шел зажим критики, не остановлен «разгул перестраховщиков». В клевете была прямо обвинена редакция городской газеты: «Перестраховщики задержали городскую организацию, поселяли всеобщую подозрительность. Особенно усердствовала редакция газеты "Ленинский шахтер", оклеветавшая многих большевиков»⁴². Это еще одно подтверждение того, что редакция газеты своей «активной» борьбой с вредительством и «врагами народа» выделялась даже на союзном уровне.

7 сентября 1938 г. горком партии, заслушав доклады управляющих шахтами 7 Ноября и «А», отметил, что, несмотря на значительную работу, результат ликвидации последствий вредительства на шахте все еще неудовлетворителен. Работа часто носила формальный характер, что привело к невыполнению производственного плана. Но репрессивных мер, обязательно последовавших бы еще

³⁹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 101, 102.

⁴⁰ Ленинский шахтер. 29.05.1938. С. 2; Ленинский шахтер. 30.05.1938. С. 3–6.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 6. Л. 101.

⁴² За что коммунисты критиковали горком // Правда. 07.06.1938. № 155. С. 3; За что коммунисты критиковали горком // Ленинский шахтер. 14.06.1938. С. 2.

год назад, не было. Масштабные репрессии против руководства шахт и партийных органов прекратились. Они были одним из способов оправдания недостатков в работе промышленности, возникших в конце второй пятилетки, и, возможно, рычагом воздействия на вновь назначаемых руководителей в условиях отсутствия цивилизованных социально-экономических механизмов. К концу пятилетки в Кузбассе резко замедлились темпы строительства новых мощностей по добыче угля: в 1938 г. из выделенных средств было освоено только 40 % [9, с. 16].

«Дело детей»

«Дело детей» получило широкий резонанс не только в Новосибирской области, но и в стране. Оно стало переломным в городской истории репрессий 1930-х гг. и из-за того, что процесс борьбы с «врагами народа» прошел пик своей активности, и потому, что в результате были привлечены к уголовной ответственности сотрудники городского НКВД, приводившие механизм репрессий в действие. Массовые процессы против сотрудников НКВД шли в 1938–1939 гг. по всей стране, но в основном они были засекречены, чтобы не дискредитировать власть. Суд по «делу детей» был практически единственным открытым процессом над сотрудниками НКВД [24].

«Дело детей», наряду с другими громкими делами, начал «активно» руководивший с февраля по декабрь 1938 г. Ленинск-Кузнецким горотделом НКВД 35-летний А. Г. Луньков, удостоенный в мае 1938 г. высшей ведомственной награды – знака почетного чекиста. Рост преступности среди школьников города стал отправной точкой для фабрикации дела о «детской контрреволюционной фашистской организации» из детей и подростков, в основном из семей репрессированных. По делу проходило около 160 детей, около 60 из них в возрасте от 10 до 12 лет. Основой для дела стали неблагополучная ситуация в школах города, хулиганство, участившиеся случаи избиения пионеров и комсомольцев, в том числе с ножевыми ранениями. По делу проходили четыре группы детей: 1) 25 учеников 4–6 классов школ № 2, 3, 4 во главе с 14-летним А. Г. Курбатовым, сыном репрессированного «врага народа», исключенного из школы за хулиганство; 2) 20 учеников 6–8 классов школ № 10, 11, которыми руководил 12-летний Паршин-Соколов, исключенный из школы за хулиганство и создавший в квартире притон; 3) 10 учеников школы № 2 и школы Горпромуча под руководством 17-летнего ученика школы Горпромуча Ф. П. Шутова; 4) 10 учеников 7–10 классов без установленного руководителя. Первой группе вменялась в вину попытка срыва праздника 1 мая: дети срывали лозунги, рвали портреты вождей ВКП(б), избивали школьников за то, что те хотели идти на демонстрацию, за их членство в пионерской и комсомольской организациях. Среди

обвинений присутствовало рисование карикатур на Сталина и вождей партии.

Начальник Новосибирского областного УНКВД Г. Ф. Горбач поддержал инициативу. По делу было арестовано 17 школьников от 12 до 16 лет, которые провели в тюрьме по 6–8 месяцев. Горком ВКП(б) ходатайствовал перед обкомом партии о проведении открытого показательного процесса. Было решено предать суду 11 человек, в том числе 7 несовершеннолетних. Остальные дела продолжали разрабатываться [23; 25; 26, с. 166].

Информация о громком деле дошла до Москвы и совпала с решением руководства СССР в ноябре 1938 г. провести чистку в рядах НКВД в связи со злостными нарушениями социалистической законности. В ходе допросов арестованные дети отказались от ранее данных признательных показаний, были выявлены незаконные методы проведения допросов: дети сидели вместе с уголовниками и политическими в общих камерах, часть была отправлена в тюрьму другого города, допросы проводились ночью без присутствия родителей и педагогов⁴³. Газета «Советская Сибирь» уточняла, что в документах следствия и сообщениях в вышестоящие органы возраст детей не указывался. А. Г. Луньков на суде признал, что дело было сфабриковано. А. И. Белоусов также признал, что дети не понимали вопросов на допросе и не было никаких материалов, позволяющих квалифицировать их деятельность как фашистскую террористическую повстанческую организацию. Вышестоящие органы вводились в заблуждение. Прокурор Р. М. Клипп, не имея на это права, давал санкции на арест, не знакомясь с материалами дела, делал справки о том, что преступники изобличены в контрреволюционной деятельности⁴⁴. Обнаруженные у детей перочинные ножи рассматривались как отягощающие обстоятельства по статье 58-8 УК РСФСР⁴⁵.

27 декабря 1938 г. бюро обкома ВКП(б) осудило чекистов, имевших отношение к «детскому делу». Они были исключены из партии и отданы под суд. Верховный прокурор СССР А. Я. Вышинский запиской ознакомил И. В. Сталина о нарушениях, совершенных Ленинск-Кузнецким горотделом НКВД. На следующий день И. В. Сталин наложил резолюцию: «Необходим открытый суд над виновниками». Начальник областного УНКВД И. А. Мальцев, тормозивший ход расследования, был арестован 25 января 1939 г. Спустя неделю был взят под стражу начальник горотдела НКВД А. Г. Луньков.

Военная прокуратура пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского округа на рассмотрение Военного трибунала передала дело бывших начальника городского отдела НКВД А. Г. Лунькова, начальника секретно-политического отделения городского отдела НКВД А. И. Савкина, оперуполномоченного и основного следователя по делу А. И. Белоусова и исполняющего

⁴³ Советская Сибирь. 23.02.1939. № 44. С. 4.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Советская Сибирь. 22.01.1939. № 43. С. 4.

обязанности прокурора города Р. М. Клиппа. Первых трех обвинили по ст. 193-17а, последнего – по ст. 109 УК РСФСР за грубейшие нарушения социалистической законности при ведении следствия. Процесс был открытем и состоялся 20–22 февраля в клубе им. Ф. Э. Дзержинского г. Новосибирска⁴⁶.

Газета «Советская Сибирь» в трех февральских номерах 1939 г. печатала крупные по объему материалы судебного заседания и протокол судебного заключения. Информация была напечатана в газете «Ленинский шахтер»⁴⁷. В материалах «Советской Сибири» из-за оперативности публикации содержались и неточности. В номере от 22 февраля сообщалось о 12-летнем школьнике В. Логунове, обвиненном следователем А. И. Савкиным в создании антисоветской организации, в терроре педагогов и пионеров и в том, что он начал вербовку других членов организации в девятилетнем возрасте в 1935 г.⁴⁸ В следующем номере газеты, очевидно, чтобы подчеркнуть абсурдность ситуации, в пример приводился 10-летний Володя, который в тюрьме после многодневных допросов сознался следователю А. И. Белоусову, что не только состоял, но и возглавлял «фашистскую контрреволюционную террористическую организацию». Причем вербовочную деятельность начал в 1935 г. – в 7-летнем возрасте⁴⁹.

На предварительном и судебном следствии обвиняемые сознались, что стараясь подвести дело под 58 статью, обвиняли детей 10–12 лет в тягчайших контрреволюционных преступлениях. По мнению суда, все это сыграло на руку врагам народа. Их деятельность была охарактеризована как преступление против советских детей и нарушение социалистической законности⁵⁰. Несмотря на свидетельства А. И. Солженицына и других жертв массовых репрессий об осуждении по «закону 1931» детей с 12 лет по политическим делам, в ходе судебного заседания обвиняемые не раз признали, что неверно трактовали постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁵¹, которое не предусматривало привлечение несовершеннолетних к суду и наказанию (вплоть до расстрела) по политическим делам [27, с. 361–379].

Трибунал Сибвоенокруга приговорил А. Г. Лунькова к 7 годам, А. И. Савкина – к 10 годам, А. И. Белоусова и Р. М. Клиппа – к 5 годам заключения без поражения в правах с лишением присвоенных званий. Все лица были обвинены в дискредитации органов НКВД, в контрреволюционной деятельности и по ст. 193-17а, 182 и 113 УК РСФСР. Многие высокопоставленные сотрудники областных НКВД и прокуратуры получили строгие взыскания или были уволены.

По-разному сложились судьбы людей, которые сначала являлись частью механизма репрессий, а потом были репрессированы сами. Освобождение чекистов из мест заключения началось по указам Президиума Верховного Совета СССР в 1941–1942 гг. с последующей отправкой на фронт. Известно, что И. Ф. Золотарь, А. Г. Луньков и А. И. Савкин были освобождены и воевали на фронтах Великой Отечественной войны. А. Г. Луньков, воевавший в разведывательно-диверсионном подразделении, был удостоен наград, а после войны восстановлен в партии и служил в Томском горотделе НКГБ [23; 28].

Заключение

Репрессии 1930-х гг. в Ленинске-Кузнецком имели более острый характер, чем в большинстве населенных пунктов Кузбасса. Это во многом было связано с отсутствием иных механизмов решения сложных задач индустриального развития и выполнения высоких планов угледобычи, быстрорастущим населением города за счет категорий, попадающих под характеристику «враги народа», установками горотдела НКВД быть лучшими в Западно-Сибирском крае. В «Ленинском шахтере» регулярно публиковались материалы о вредительстве и диверсиях на шахтах, партийных чистках, судебных процессах и неотвратимом наказании виновных. В газете содержались призывы к продолжению жестких чисток и борьбе с вредительством, отказы детей от родителей, обвинения партийного руководства и руководства рудников и шахт в отрыве от масс и потворстве саботажникам, публикация «хроники» чистки Западно-Сибирской партийной организации 1934 г., требования расстрела «врагов народа» и уничтожения до конца «вражеского гнезда» в Ленинске-Кузнецком. «Ленинский шахтер» служит примером того, как с помощью периодической печати шла манипуляция общественным сознанием: жизнь людей была пропитана идеологическими штампами, идеей борьбы с «врагами народа».

Безусловно, в публикациях газет «Ленинский шахтер» и «Советская Сибирь» в 1930-е гг. события, связанные с репрессиями, описывались с позиции правящей партии. По сути, газеты выступали средством расправы над иначе мыслием, они выявляли «врагов народа» и «вредителей», обвиняли людей, оправдывали репрессии и даже становились инициаторами арестов. При помощи газет в обществе формировалась атмосфера «осажденной крепости»: вокруг враги и все неудачи индустриального строительства, аварии происходят только по вине «врагов народа», а не из-за ошибок руководства или по другим причинам.

⁴⁶ Советская Сибирь. 17.02.1939. № 39. С. 4.

⁴⁷ Ленинский шахтер. 26.02.1939.

⁴⁸ Советская Сибирь. 22.02.1939. № 43. С. 4.

⁴⁹ Советская Сибирь. 23.02.1939. № 44. С. 4.

⁵⁰ Советская Сибирь. 21.02.1939. № 42. С. 4; Советская Сибирь. 23.02.1939. № 44. С. 4.

⁵¹ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 № 3/598 // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 08.04.1935. № 81.

Материалы газет значительно расширяют круг достоверных знаний о деятельности сталинского руководства, о репрессиях, их причинах и последствиях. Они позволяют глубже понять механизмы, масштабы массового террора.

Газета «Ленинский шахтер» описывала репрессии как естественный процесс реализации политики советского государства на региональном уровне, мобилизующий советских граждан на решение задач строительства нового общества. Изучение репрессий в Ленинске-Кузнецком на основе материалов газет показало, что данный вид источников помогает уточнить причины и особенности ужесточения репрессивной политики государства на пути построения социализма, сущность процесса активизации массовых репрессий и его проявлений в Кузбассе в 1930-е гг.; охарактеризовать непосредственных исполнителей и репрессированных, подтвердить особую роль партийного руководства и НКВД в осуществлении репрессий; описать динамику репрессий и их особенности в Ленинске-Кузнецком и Кузбассе; подтвердить причины и охарактеризовать условия цикличности деятельности партийно-советских и правоохранительных органов в проведении репрессий в 1930-е гг.

Прежде всего репрессии были направлены на представителей отдельных социальных групп – потенциальных противников режима: бывших белых и колчаковских офицеров, раскулаченных, представителей национальных меньшинств, «старых» специалистов, духовенства, политических оппонентов большевиков из числа иных политических партий и движений. Представители указанных групп активно использовались в решении задач индустриализации и выполнении плана первых пятилеток на шахтах Кузбасса, поэтому репрессивный механизм был неотъемлемой частью социально-экономического и политического развития региона при отсутствии иных механизмов мобилизации и повышения мотивации населения. Публикации газет подтверждают, что побочным эффектом репрессий стало уничтожение наиболее образованной и дееспособной части населения и, что особенно отразилось на замедлении темпов индустриального развития региона, инженерно-технических кадров. Информация о борьбе с вредительством и «врагами народа», чистках, наказании виновных содержалась в материалах различных жанров: информационного (заметки, репортажи, отчеты, хроники), аналитического (статьи, письма, обозрения), художественно-публицистического (фельетоны, очерки).

Литература

1. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 516 с.
2. Генина Е. С. Исторические этапы идеологизации населения Кузбасса в 20-е – начале 50-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 26 с.
3. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 54 с.

Количество и событийная насыщенность материалов газет о репрессиях опровергает мнение о том, что от простых граждан скрывали правду и они не знали о проводимых репрессиях и их масштабах. Вызывает сомнения точка зрения, что данная информация в местных газетах печаталась из-за того, что партийные «цензоры» низшего звена не всегда могли откорректировать материал в «правильном» направлении по причине малограмотности и неопытности.

Требует дополнительного изучения ситуация 1938–1939 гг. Признание ошибок было умелым манипулированием для предотвращения социального взрыва и было направлено на ограничение дошедшего до абсурда борьбы с врагами народа на местах. В конечном итоге вину возложили на местные партийные и государственные органы власти, отделы НКВД, редакции местных газет. Руководство партии выступило верховным судьей: оно, вскрыв и признав ошибки, наказало виновных за то, что нарушением социалистической законности они отвлекали общество от борьбы с настоящими врагами народа, чем дискредитировали власть и замедлили темпы развития советского общества.

Осуждение перегибов и злоупотреблений проходило открыто, но дозированно. Например, в статье «За что коммунисты критиковали горком» газеты «Ленинский шахтер» (перепечатана из газеты «Правда») ее же редакция была обвинена в разжигании всеобщей подозрительности, перестраховке и в клевете на многих большевиков⁵². Суд над сотрудниками НКВД и прокуратуры по «делу детей» также достоверно освещался в газетах «Советская Сибирь» и «Ленинский шахтер».

Для восстановления полной картины репрессий в отдельно взятом городе или районе одних только материалов местных газет недостаточно в силу указанных выше причин – это требует привлечения широкого комплекса источников по проблеме. Но публикации газет позволяют увязать репрессии с повседневной жизнью города и другими событиями, синхронизировать и лучше понять взаимовлияние и взаимосвязь событий в различных сферах жизни города и региона, выявить информацию, отсутствующую в других источниках. Изучение материалов периодической печати необходимо и для дальнейшей работы по реабилитации жертв репрессий, которая активно началась в нашей стране с издания законов «О реабилитации репрессированных народов» в апреле 1991 г. и «О реабилитации жертв политических репрессий» в октябре 1991 г.

⁵² За что коммунисты критиковали горком...

4. Бикметов Р. С. Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 30 с.
5. Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011. 604 с.
6. Мить А. А. Численность и состав заключенных Сибирского исправительно-трудового лагеря (1942–1960 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. 25 с.
7. Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. 341 с.
8. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996 / отв. ред. К. А. Заболотская. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с.
9. Савельев В. Е., Редькин П. К., Шуранов Н. П. Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч. 3: 1937–1985 гг. Кемерово: Кн. изд-во, 1985. 287 с.
10. Адаменко А. М., Баев О. В., Блинков А. В., Волчек В. А., Гизей Ю. Ю., Ермолов А. Н., Карпинец А. Ю., Овчинников В. А., Усков И. Ю. Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории. Т. 1: 1759–1941. Новосибирск, 2013. 352 с.
11. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области / сост. Л. И. Гвоздкова. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1995. Т. 1. 247 с.
12. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области / сост. Л. И. Гвоздкова. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. Т. 2. 554 с.
13. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 439 с.
14. Уйманов В. Н. Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.) и кампании по реабилитации репрессированных: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013. 54 с.
15. Кузнецов И. Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 19 с.
16. Тепляков А. Г. Органы ОГПУ–НКВД–НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 27 с.
17. Видяева А. В. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в периодической печати Мордовии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 25 с.
18. Дендиев К. Г. Средства массовой информации и технология репрессий 1930-х гг. (по материалам региональной прессы) // Oriental Studies. 2012. № 3. С. 25–28.
19. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина, 1917–1929. М.: Сов.-брит. изд-во «Интер-Версо», 1990. 206 с.
20. Генина Е. С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая гвардия / гл. ред. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2001. Т. 5. С. 61–66.
21. Лоткин И. В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2012. 40 с.
22. Папков С. А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 59–63. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63
23. Тепляков А. Г. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. мат-лов франко-российского семинара. (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) Новосибирск: Наука, 2011. С. 141–154.
24. Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее. 1997. Т. 21. С. 240–293.
25. Антонов Б. Заговор детей // Разыскания. 1992. Вып. 2/4. С. 69–75.
26. Историческая энциклопедия Кузбасса / науч. ред. А. Б. Негреев. Т. 1: А–К. Познань: Штама, 1996. 380 с.
27. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт худож. исслед. Кемерово: Кн. изд-во, 1990. Т. 2. 559 с.
28. Тепляков А. Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начале войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-центр, 2004. С. 260–290.

original article

The Great Purge of the 1930s in the Town of Leninsk-Kuznetskiy (Based on the Materials of the Newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir")

Vladislav A. Ovchinnikov^{a, @, ID}^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ rpcsib@rambler.ru

ID <http://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Received 17.04.2020. Accepted 07.05.2020.

Abstract: The research featured the repressions of the 1930s, or the Great Purge. The article focuses on the case of the town of Leninsk-Kuznetskiy. The study was based on materials obtained from the press of that time (newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir"), the State archive of the Kemerovo region, and scientific publications. The author highlighted the so-called Children's Case and the trial of NKVD officers. Both events occurred in 1939 and marked the end of the Great Terror of 1937–1938. The repressions that took place in Leninsk-Kuznetskiy proved more severe than in the rest of Kuzbass. The author proposes several reasons for that fact. First of all, the town failed to meet the goals of industrial development during the first five-year plans, and the plans for coal mining industry were impossible. Second, the town owed its rapid increase in population to the categories that later would be called "enemies of the people". Third, the local NKVD desperately wanted to become the best in the West Siberia. The fact that the purges received abundant media coverage disproves the popular opinion that average public did not know about the repressions. The author developed an approach to newspapers as a historical source on the history of the Great Purge. If one factors in the specifics of this source, archival newspapers can be a reliable source about the Great Terror and the mechanisms of public opinion formation. However, newspapers alone cannot restore the full picture of local repressions, which requires a wide range of sources.

Keywords: industrialization, Children's Case, Kuzbass, repression, local newspaper, the Great Terror

For citation: Ovchinnikov V. A. The Great Purge of the 1930s in the Town of Leninsk-Kuznetskiy (Based on the Materials of the Newspapers "Leninskiy Shakhter" and "Sovetskaia Sibir"). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 340–353. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-340-353>

References

1. Gvozdikova L. I. *The history of repressions and the Stalin's camps in Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 516. (In Russ.)
2. Genina E. S. *The historical stages of the ideologization of the population of Kuzbass in the 1920s – early 1950s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1998, 26. (In Russ.)
3. Genina E. S. *Campaign to combat cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2009, 54. (In Russ.)
4. Bikmetov R. S. *Special contingent in the coal industry of Kuzbass in the 1930s – mid-1950s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2000, 30. (In Russ.)
5. Bikmetov R. S. *Use of the special contingent in creating and building up the economic potential of Kuzbass in the late 1920s – the second half of the 1950s*. Dr. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2011, 604. (In Russ.)
6. Mit' A. A. *The number and composition of prisoners of the Siberian Forced Labor Camp (1942–1960)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1997, 25. (In Russ.)
7. Zabolotskaiia K. A. *Coal industry of Siberia (late 1890s – early 1990s)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, 341. (In Russ.)
8. *Coal industry of Kuzbass, 1721–1996*, ed. Zabolotskaiia K. A. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1997, 301. (In Russ.)
9. Savelev V. E., Redkin P. K., Shuranov N. P. *Essays on the history of the party organization of Kuzbass. Pt. 3: 1937–1985*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1985, 287. (In Russ.)
10. Adamenko A. M., Baev O. V., Blinov A. V., Volchek V. A., Gizei Yu. Yu., Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu., Ovchinnikov V. A., Uskov I. Yu. *Leninsk-Kuznetsky. Pages of history. Vol. 1: 1759–1941*. Novosibirsk, 2013, 352. (In Russ.)
11. *The book of memory of victims of political repressions of the Kemerovo region*, comp. Gvozdikova L. I. Kemerovo: Poligrafkombinat, 1995, vol. 1, 247. (In Russ.)
12. *The book of memory of victims of political repressions of the Kemerovo region*, comp. Gvozdikova L. I. Kemerovo: Poligrafkombinat, 1996, vol. 2, 554. (In Russ.)
13. Papkov S. A. *Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 439. (In Russ.)

14. Uimanov V. N. *Mass repressions in Western Siberia (1919–1941) and campaigns for the rehabilitation of the repressed*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2013, 54. (In Russ.)
15. Kuznetsov I. N. *Massive repressions in Western Siberia in the 1930s and the rehabilitation of victims of terror*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 1992, 19. (In Russ.)
16. Teplyakov A. G. *Bodies of the OGPU–NKVD–NKGB in Siberia: structure and personnel (1929–1941)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2011, 27. (In Russ.)
17. Vidyaeva A. V. *Reflection of political repression of the 1930s. XX century in the periodical press of Mordovia*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2014, 25. (In Russ.)
18. Dendiev K. G. Mass-media and technology of repressions of 1930s (on materials of the regional periodicals). *Oriental Studies*, 2012, (3): 25–28. (In Russ.)
19. Carr E. H. *The Russian revolution from Lenin to Stalin (1917–1929)*. Moscow: Sov.-brit. izd-vo "Inter-Verso", 1990, 206. (In Russ.)
20. Genina E. S. The persecution of "former whites" in Kuzbass in the 1930s how the implementation of the Stalinist ideology of repression. *White Guard*, ed. Tsvetkov V. Zh. Kemerovo: Posev, 2001, vol. 5, 61–66. (In Russ.)
21. Lotkin I. V. *Socio-political, economic and cultural adaptation of the Baltic settlers in Siberia (1920–1940)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2012, 40. (In Russ.)
22. Papkov S. A. Purges among the administrative personell of the coal industry in Kuznetsk Basin in 1937. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (1): 59–63. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-59-63
23. Teplyakov A. G. "Children's Case" in Kuzbass: revisiting the causes of the open trial on KGB "violators of the rule of law" in 1939. *Judicial political processes in the USSR and the communist countries of Europe*: Proc. Franco-Russian Seminar, Paris, November 29–30, 2010. Novosibirsk: Nauka, 2011, 141–154. (In Russ.)
24. Teplyakov A. G. Personnel and daily routine of the Novosibirsk UNKVD in 1936–1946. *Minuvshee*, 1997, 21: 240–293. (In Russ.)
25. Antonov B. Children plot. *Razyskaniia*, 1992, iss. 2/4, 69–75. (In Russ.)
26. *Historical encyclopedia of Kuzbass. Vol. 1: A–K*, ed. Negreev A. B. Poznan: Shtama, 1996, 380. (In Russ.)
27. Solzhenitsyn A. I. *The Gulag Archipelago, 1918–1956: the experience of artistic research*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1990, vol. 2, 559. (In Russ.)
28. Teplyakov A. G. Office of the NKVD in the Novosibirsk Region shortly before World War II and during its first years. *Western Siberia in the Great Patriotic War (1941–1945)*. Novosibirsk: Nauka-tsentr, 2004, 260–290. (In Russ.)